Соболевского, листы легли именно так, что благодаря этой спутанности в полной мере оказался выдержанным ритм начальной части «Слова». И В. И. Стеллецкий довольно пространно старается убедить читателя в том, что как раз при отсутствии перестановки ритмический строй памятника наилучшим способом выдерживается, а при перестановке он явственно и бесспорно нарушается.

Но соображения В. И. Стеллецкого в этой части его рассуждений особенно импрессионистичны, отвлеченны и сугубо субъективны, — настолько, что ни на какую убедительность рассчитывать не могут. В. И. Стеллецкий рассуждает так, как будто автор «Слова» должен быть непременно его единомышленником в вопросе о ритмической структуре «Слова». Он прямо предписывает правила ритмической организации «Слова», например, в следующей фразе: «По содержанию после динамического описания в самом начале основной части „Слова о полку Игореве" храбрости воинов должна следовать динамическая же картина выступления в поход, а не остановка начавшегося уже движения всего содержания и ритма песни Игорю словами „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя прикрыты"» (стр. 57).[1] С таким же основанием, с каким А. И. Стеллецкий пытается доказать преимущество ритмического строя «Слова» без перестановки, можно было бы при желании ратовать за такое же преимущество при перестановке, если бы это имело какую-либо научную ценность.

Защищая предложенную Соболевским перестановку в «Слове», я мимоходом указал на некоторых комментаторов и переводчиков «Слова», принявших эту перестановку, но, с моей точки зрения, допустивших некоторые другие перестановки, конъектуры или приемы перевода, не могущие быть оправданными. Это для В. И. Стеллецкого оказалось достаточным предлогом для того, чтобы уличить меня в некоторой непоследовательности: как же я, упрекая кое-каких авторов в иных неоправданных перестановках и конъектурах в «Слове», в то же время упоминаю их как разделяющих необходимость перестановки именно в данном конкретном случае, о котором идет речь? Не касаясь вопроса о том, какое прямое отношение это указание В. И. Стеллецкого имеет к самому существу нашего спора, позволительно спросить, почему же, не соглашаясь с тем или другим толкователем текста какого-либо памятника в одних случаях, нельзя заявлять о солидарности с ним в других случаях, когда то или иное его мнение совпадает с мнением его оппонента? В такой претензии В. И. Стеллецкого трудно усмотреть какую-либо логическую обоснованность.[2]

В заключение должен коснуться такого словоупотребления В. И. Стеллецкого, которое, по своему несоответствию с существом дела, не может не вызвать по меньшей мере удивления: в своем полемическом увлечении он говорит о «скептическом методе», «скептической точке зрения», «скептическом отношении к тексту „Слова"», о «неоскептиках»-конструкторах

[1] Разрядка моя, — *Н. Г.*

[2] К перечисленным мной именам, принимающим предложенную Соболевским перестановку в «Слове», кроме украинского переводчика и комментатора «Слова» Л. Е. Махновца, упомянутого самим В. И. Стеллецким, могу добавить еще следующие: Е. Ляцкого («Слово о полку Игореве». Прага, 1934), А. Досталя (Les derniers travaux soviétiques relatifs au «Slovo o polku Igoreve». Bysantinoslavica, XIII, 1952—1953, стр. 294—295), украинских переводчиков — М. Рыльского («Слово о полку Ігоревім». «Бібліотека поета», Киев, 1955), Н. Забилы (там же), А. Коваленко (там же), русского переводчика Л. И Тимофеева («Слово о полку Игореве». Малая серия «Библиотеки поэта», изд. 3, Л, 1953), чешского переводчика Франтишека Кубка («Slovo o plku Igoreve». Прага, 1946), осетинского переводчика В. А. Газзаева («Кадæг Игоры стæрыл», изд. 2, Сталинир, 1956), венгерский перевод И. Эрдоди (в брошюре «Ének Igor hadjáratáratáról Igorról, Szvjatoszlov fiáról, Oleg unokájáról», Будапешт, 1956).